

Действующие лица:

Скалон Антон Антонович – генерал-майор, командир Иркутского драгунского полка.

Власов Иван Иванович – поручик.

Якимов Петр – юнкер (Отчаянный).

Рябов Василий – корнет (Молодой).

Чаусов Фрол Петрович – рядовой (Озорник).

Каролина Скалон – жена генерал-майора Скалона Антона Антоновича.

Машенька – невеста юнкера Якимова.

Наталья Петровна – жена рядового Чаусова.

Екатерина – невеста поручика Власова.

Украинские девчата:

Хвыля.

Оксана.

Олеся.

Галина.

Рядовые Иркутского драгунского полка.

На сцене две пушки, барабан, воинский штандарт и знамёна Иркутского драгунского полка. Под марш на сцене появляются актёры в форме Иркутского драгунского полка 1812 года, совершают маршевое дефиле. Выходят вперёд пять драгунов, обращаясь к зрителю.

ПРОЛОГ

Первый драгун. Позволь, высокочтимый потомок, рассказать тебе о подвиге прадедов твоих, живших до тебя в славном граде Иркутском, в Сибири-матушке.

Второй драгун. Служивших верой и правдой Великой России! Глядевших с любовью, как и ты, на бирюзовые воды Ангары-реки.

Третий драгун. Гордо хранивших в сердце своём бескрайние таёжные дали Иркутской стороны.

Четвертый драгун. Суровых, немногословных, но крепких, как кремень, в бою и в воинском ремесле.

Пятый драгун. Это было время славных битв и побед Русской армии, грозных и непобедимых екатерининских полков. Границы Российской империи должны свято храниться от любого врага. И вот в далёком тысяча семьсот восемьдесят седьмом году для защиты восточных рубежей Отечества указом Её императорского величества Екатерины II положено начало Иркутскому драгунскому полку.

Пятеро драгунов исполняют «Екатерининский гимн».
Стихи Г. Державина, музыка О. Козловского.

Славься, славься сим, Екатерина!
Славься, славься, нежная к нам мать!

Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый росс,
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потрёс.
Воды Рейна и Дуная
Уж в руках теперь у нас...
Храбрость россов почитаю,
Тавр под нами и Кавказ.

Уж не могут орды Крыма
Ныне рушить наш покой,
Гордость низится Селима,
И бледнеет он с луной.
Мы ликуем славы звуки,
Чтоб враги могли то зреть,
Что свои готовы руки
В край вселенной мы простреть.

Зри, премудрая царица,
Зри, великая жена!
Что твой взгляд, твоя десница
Наш закон, душа одна.
Зри на блещущи соборы,
Зри на сей прекрасный строй;
Всех сердца тобой и взоры
Оживляются одной!

КАРТИНА 1. УРОК ОБ ИРКУТСКОМ ДРАГУНСКОМ ПОЛКУ

Перед строем выходит поручик Власов.

Поручик. Восьмой, седьмой эскадроны, смирно! Слушай мою команду!

Драгуны переформируются из песенного строя в строй боевой учёбы. Массовка подходит к пушкам. Групповка в положении смирно. Поручик задаёт вопросы подразделению об истории полка, затем звучат команды по учениям орудийной прислуги и боевой работе с пушками.

Поручик. Восьмой эскадрон, приступить к учениям артиллерийских расчётов. Седьмой эскадрон, повторять наставления по истории полка. Ясно?

Драгуны. Так точно, ваше высокоблагородие!

Поручик. Рядовой Чаусов!

Озорник. Я!

Поручик. Когда и кем основано наше войсковое подразделение?

Озорник. Иркутский драгунский полк основан указом военной коллегии 18 ноября тысяча семьсот шестого года по высочайшей воле Её величества императрицы Екатерины.

Поручик. Верно! Каким путём основано наше войсковое подразделение и его состав?

Озорник. Путём разделения Сибирского драгунского полка на два. Одна половина его остаётся Сибирским драгунским полком, а другая формирует Иркутский драгунский полк в количестве десяти эскадронов.

Поручик. Верно! Встать в строй!

Озорник. Слушаюсь!

Поручик. Юнкер Якимов!

Отчаянный. Я!

Поручик. Сколько чинов полагалось нашему полку?

Отчаянный. Иркутскому драгунскому полку полагалось всех чинов тысяча восемьсот восемьдесят два, штаб-офицеров пять, обер-офицеров пятьдесят четыре.

Поручик. Число лошадей сего полка?

Отчаянный. Полку полагалось тысяча пятьсот шестьдесят пять строевых и сто сорок восемь подъёмных лошадей, всего количеством тысяча семьсот пятьдесят.

Поручик. Верно, встать в строй! Рядовой Рябов!

Молодой. Я!

Поручик. Для какой цели сформирован наш полк?

Молодой. Для защиты восточных рубежей Отечества.

Поручик. Для охраны Иртышской линии! Ясно?

Молодой. Так точно!

Поручик. Сколько эскадронов и рекрутов в полку из Иркутской губернии?

Молодой. В Иркутской губернии располагается один эскадрон Иркутского драгунского полка, рекрутов в полк из Иркутской губернии поступило числом сто восемьдесят девять человек.

Поручик. Молодец! Встать в строй! Приступить к учениям орудийного расчёта!

Лязг металла, отдаленные голоса. Поручик отдает команды. Драгуны быстро перемещаются к орудиям, начинают учебу.

Поручик. Стройся!.. Товсь!.. К орудию марш!.. Разворот!.. Заряд в дуло!.. Прибей заряд!.. Ядро!.. Наводи!.. Ставь трубку!.. Пали!.. Выстрел!.. Банить пушку!.. Назад!.. Стройся!.. Изготовиться!.. Товсь!.. К орудию марш!.. Усвоили?

Молодой. Так точно, ваше высокоблагородие!

Поручик. Плоховато усвоили. Конная выучка, сабельный бой у вас в превосходном виде, а вот с пушкой – из рук вон плохо. Потрудитесь объяснить причину!

Озорник. Ваше высокоблагородие! Иваныч, дорогой! Помилуй, но мы ж драгуны, а не артиллерия. Как кроту в земле возиться да как мерину эту гробину железную на пупу тягать. Ну не лежит душа, пойми, мил человек.

Поручик. Да понимаю, братец, что тяжко. Однако же в стремительном бою должен ты одинаково ловко управляться и с конём, и с саблей, и с пушкой. Штыком, ежели заставит жизнь, лучше, чем пехота, владение выказывать.

Незаметно подходит генерал Скалон, наблюдает за драгунами.

Отчаянный. Не, ваше высокоблагородие, он у нас барин, любит только на конике ездить. На конике-то в случае чего можно и с поля битвы ускакать.

Озорник. Ты чего говоришь-то? Ополоумел?

Отчаянный. А чего? Так припустишь, когда поддавят, только хвост трубой.

Поручик. Прекратить разговоры! Продолжать учение! Марш! Разворот! Выстрел! Назад! Марш! Разворот! Выстрел! Назад!

Замечают Скалона, поручик подаёт команду.

Поручик. Господа драгуны! Равняйся! Смирно! Ваше высокопревосходительство! Драгуны Иркутского драгунского полка совершают боевые учения артиллерийского расчёта.

Скалон. Вольно!

Поручик. Вольно!

Скалон (сурово). Так вот, господа драгуны. Подтверждаю сие, что драгун должен одинаково владеть конной выучкой, сабельным, а так же штыковым боем, знать манёвры артиллерийского боя, уметь ловко и быстро поражать неприятеля. Ясно?

Драгуны. Так точно, ваше высокопревосходительство!

Скалон. Бей не числом, а умением, как сказал полководец Суворов Александр Васильевич. А где ваше умение? Пушка у вас как телега пьяная катается. Повторить сей быстрый манёвр в количестве сто раз. Мне доложить. С сего дня к учениям в конном строю, сабельному и штыковому бою извольте добавить учения артиллерийских расчётов. Выполнять!

Драгуны. Так точно, ваше высокопревосходительство!

Скалон уходит.

Озорник. Кто это, а? Чего это, Иваныч?

Поручик. Новый командир полка.

Озорник. Ой, чего-то моё сердечко ёкнуло.

Отчаянный. А вот пушай теперь поёкает! Может, вместо кабака на плацу поболее усердия поимеешь.

Озорник. А ну тебя! Иваныч, а как его звать-величать, командирато?

Поручик. Антон Антоныч Скалон.

Озорник. Во! Мать честна! Ну точь-в-точь. С колом. Этот с колом берёзовым нам все бока, ребятушки, пообломает. Пропали.

Молодой. Дядюшка Фрол, ну не обзывайтесь!

Отчаянный. А чего ему. Как с гуся вода. Этот дядюшка Фрол всю жизнь чепуху молол.

Озорник. Да отстань ты, дубина стоеросовая! Устроит нам этот с колом казни египетские. Споёшь тогда грустную песню.

Отчаянный. Кто дубина, поди-ка сюда, друг ситный!

Озорник. Иваныч! Ну каждый раз не даёт он мне познавать артиллерийскую науку.

Поручик. Остыньте. Выполнять приказ. Быстрый манёвр и выстрел.

Озорник (шепчет). Марш! Разворот! Выстрел! А этот Антоныч, нерусский, видать, а?

Поручик. Француз. Да только нашенский. Родился в Бийске, на Алтае.

Озорник. Ну это слава Богу. Наш, сибирский. Не с лягушачьих берегов басурманского отечества.

Отчаянный. Как бы ни было, а мне новый командир по нраву. Его правда. Воин без учения изнурительного в бабу трусливую превращается. Или вон в пьяницу.

Озорник. Но, но! Кто ещё в учении ратном впереди окажется. А ну-ка вперёд. Марш! Разворот! Выстрел!.. Смирно!

Входит Скалон, драгуны вытягиваются по команде «Смирно!»

Скалон. Вольно! Простите, братцы, не представился по спешке.

Антон Антонович Скалон, уроженец российский, происхождения французского, лютеранской веры, генерала Антона Даниловича Скалона сын. Назначен в Иркутский драгунский полк командиром.

Все. Здравия желаем!

Скалон. Вольно! Вольно! Хочу рассказать вам, цель моя – подготовить полк в отличном виде не только для мирного времени, охраны наших восточных рубежей от азиатских банд, кыргизов и прочая, но и для решительного участия в военных кампаниях.

Молодой. Ваше высокопревосходительство! Разрешите обратиться?

Озорник. Цыц!

Скалон. Пусть скажет.

Молодой. Когда будет война?

Скалон. Одному Богу известно. Но ты, составляя с Иркутским полком единое целое, обязанность имеешь и долг перед Отчизной в любое время встать на её защиту. А для этого учения, манёвры, правила, уставы – ежедневно и ежечасно. Тяжко будет, говорю откровенно. Но тяжело в ученье – легко в бою. А он уже не за горами. Драгуны! Сибиряки! В солдатском ранце маршальский жезл несите. Да будет Иркутский драгунский полк – лучшим полком драгун России. К полевому выходу готовься! Шагом марш!

Драгуны маршируют и поют песню «Взвейтесь, соколы, орлами».
Слова и музыка народные.

Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать!
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Лагерь - город полотняный,
Морем улицы шумят,
Позолотою румяной
Медны маковки горят.

Там, едва заря настанет,
Строй пехотный закипит,
Барабаном в небо грянет
И штыками заблестит.

Закипит тогда войною
Богатырская игра.
Строй на строй пойдет стеною,
И прокатится «Ура».

Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать!
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Все покорны царской воле,
По отбою кончен спор,
И на прежнем ратном поле
Песню дружно грянет хор.

Слава Матушке-России,
Слава Русскому Царю,
Слава Вере православной
И солдату-молодцу!

Поручик. Начались часы, дни и годы тяжелого ратного труда и воинской учебы. Под командованием генерала Скалона Иркутский драгунский полк после инспекции и проверки Его императорского величества признан лучшим полком драгунских войск России. Однако, как это часто бывает в нашем Отечестве, неожиданно-негаданно грянул гром, который перевернул многие судьбы её верных подданных.

КАРТИНА 2. ОТСТАВКА

Скалон читает письмо к жене.

Скалон. Милая Каролина!

Жесточайший удар судьбы, который, однако, следует вынести с твёрдостью и солдатским мужеством. Всё по воле нашего Господа свершается. И вот подло убит в своём дворце Государь император России Павел. Одиннадцатое марта тысяча восемьсот первого года будет днем крушения многих военных надежд Российской державы, столичные гвардейские полки, их офицеры навсегда запятнали себя убийством законного российского монарха. Уже сегодня честные люди России назвали этот дворцовый переворот кровавым злодейством. Горько, стыдно за армию, за Россию.

Государь Павел суров и жесток был к казнокрадам, к ворам, к командирам, притеснявшим солдата. Указами высочайшими он улучшил положение крестьян и солдат. Дворян сии новые повороты жизни возмутили. И убили Государя. Горько. Вспоминаю его слова: «Что ж, мой сибирский Скалон! Полк твой Иркутский драгунский – лучший во всей Сибири, обучен воински и содержится отменно. Пожалуй, блестяще послужит он примером для всех драгунских соединений России». Да простит меня Бог, Россию я не предаю, но служить цареубийцам не могу и не хочу. Сейчас пишу прошение об отставке. И вот вам тридцатичетырехлетний генерал-майор, командир Иркутского драгунского полка – в отставке с правом ношения мундира, но без

пенсиона. Святитель Николай не оставит полк, подаст свою помощь, а за солдат-братушек и офицеров буду молиться. Да сохранит Всевышний их жизни.

Ну а я, генерал Скалон, российскую службу принял навечно и по отставке желаю остаться в России и на подданство со своими детьми присягу принял.

Скалон снимает шашку, вешает ее на пушку и уходит.

Озорник. Вот те на! Антон Антоныча, генерала – в отставку!

Отчаянный. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Государя убили, Скалона в отставку.

Поручик. Слышал, что сам командир попросился.

Молодой. Когда с нами прощался, слёзы в глазах стояли. А мы-то тоже ревём. Как малые ребята. Так ведь любили его в полку.

Озорник. Знамо дело, он сердцем солдата видел, душу его чуял. Службушку ратную с честью правил.

Отчаянный. Братцы! Был Иркутский драгунский полк лучшим, а теперь весь вышел. Без Антона Антоныча амба нам.

Поручик. Да, Скалон-то – он вроде как от скалы – твёрд в своих деяниях. А придёт какая размазня на его место – воровать станет да солдата мучить? А?

Озорник. А я тоже в отставку! В Качуг свой ворочуся. Коровушка у меня, бабёночка справная ждёт не дожждётся.

Отчаянный. Тебе ещё десяток годков служить. Бабёночка у тебя... а язык будешь распускать, коровушкой-то в арестантские роты поскачешь, а не в Качуг свой...

Поручик. Отставить разговоры! Господа нижние чины! Смирно! Вами производится вредное в умах колебание, ведущее к ослаблению готовности доблестному отражению врага Отечества! Всем ясно?

Драгуны. Так точно!

Поручик. Неверие солдата в промысел Божий ведёт к унынию, отчаянию и поражению. Ясно?

Драгуны. Так точно!

Поручик. Кто сие повторял в Иркутском драгунском полку?

Молодой. Генерал-майор Антон Антоныч Скалон!

Поручик. Так-то! Какие две истины великого Суворова повторял Скалон? Ну, живо отвечать!

Озорник. «Бог нас водит! Он нам командир!»

Отчаянный. «Бей не числом, а умением!»

Поручик. Братцы! Драгуны! Так что, дрогнули, а? Иркутский драгунский – лучший среди драгунских полков Сибири, а Бог даст – и России. А командир наш в полк вернётся. Верю в сие.

Молодой. Господин поручик! Неужто возвратится?

Поручик. Говорю, что верю в это! Человек чести и долга, Антон Антоныч не сможет безучастно смотреть, когда военная гроза надвигается.

Озорник. Что это за гроза?

Отчаянный. Что да что. Знамо дело – француз пакости готовит в Европах своих.

Поручик. Правда твоя. Наполеон владыкой вселенной стать мечтает. А мы, сибиряки, со своей матушкой-Россией отпор ему дать должны, да такой, чтоб дух из него вон!

Озорник. Господин поручик! Дозвольте вопрос!

Поручик. Дозволяю!

Озорник. Слушаюсь! А как учил генерал Скалон, что есть драгун-сибиряк?

Поручик. Что он есть? Э-э-э... Драгун...

Озорник. Дозвольте сказать...

Поручик. Ах шельмец, ущучил... Ну говори, молодец.

Молодой. Я, я! Я помню, дозвоьте мне! «Иркутский драгун есть не только русский драгун, но драгун-сибиряк, имеющий суровый к неприятелю нрав, закалённый морозами и ветрами сибирскими, непрестанно боренье со страстями имеющий и с Богом и Верой побеждающий врага, ни в коем разе и случае не сдаваясь на его милость».

Поручик. Молодец! А я грешен, призабыл наставление. Братцы милые! Прошу вас, сохраним твердыни полка, Скалоном утверждённые. Покажем неприятелю, что есть сибиряки-воины. А генерал-майор Скалон обязательно вернется в службу и примет полк. Нашу семью, наш родной Иркутский драгунский полк.

Драгуны. Ура Антон Антонычу! Ура генералу Скалону!

Драгуны исполняют песню «Наш полк».

Слова К. Романова, музыка К. Галковского.

Наш полк, наш полк!

Заветное чарующее слово

Для тех, кто с молоду и всей душой в строю.

Другим оно старо, для нас все так же ново

И знаменует нам и братство, и семью.

О, зная, зная ветхое,

Краса полка родного,

Ты бранной славою венчанное в бою.

Чье сердце за твои лоскутья не готово

Всеблагодарным быть и жизнь отдать свою?

Полк учит нас терпеть безропотно лишенья
И жертвовать собой в пылу святого рвенья,
Все благородное: отвага, доблесть, долг,
Святая удаль, честь, любовь к Отчизне славной,
К великому Царю и Вере Православной –
В едином слове том сливается: «Наш полк!»

КАРТИНА 3. ВОЛЫНЬ. ПОХОД ОТ ИРТЫША ДО ДНЕПРА

**Маршируют, конный топот, с Иртыша до Днепра команды,
отдалённые голоса девок. Драгуны оттачивают сабельный бой.**

Отчаянный. Наш поручик оказался прав. Скалон не смог сидеть в отставке и вернулся на службу.

Молодой. Антон Антоныч опять с нами. И Иркутский драгунский признан лучшим драгунским полком России. Вот где наша мечта исполнилась!

Поручик. Командующий войсками Ливен сам сказал генералу Скалону: «Вы назначаетесь для приведения Иркутского полка снова в отличное устройство, в коем вы оставили полк сей». Здесь-то и пригодились жестокая порой наука Скалона – отрабатывать артикулы воинские и манёвры до изнеможения.

Стремительно выходит Скалон, обнимает каждого драгуна. С воодушевлением начинает новый рассказ.

Скалон. Вернувшись в службу в родной полк, тотчас получил приказ вывести из Сибири на Волынь в Малороссию Сибирскую драгунскую дивизию. Сомнений не осталось. Наполеон пойдёт на Россию нашу. Аустерлиц, где двадцать тысяч русских погибло в бою, страшное тому свидетельство. Дабы укрепить сибирскими драгунами Русскую армию, в тысяча восемьсот восьмом году мы двинулись в путь.

ЗВУЧИТ ПОХОДНЫЙ МАРШ.

Озорник. Батюшки! Пошли в лето тысяча восемьсот восьмого, а пришли в феврале тысяча восемьсот девятого. Драгуны-то на лошадях, а пехота сердешная – всё пешком, и все дошли до берегов Днепра-батюшки. Вот где открылось нам чудо чудное.

Поручик. Иные ретивые писаки напишут потом: «Генерал Скалон получил орден Святого Владимира третьей степени за сбережение в походе лошадей». Низко и несправедливо.

Отчаянный. Ещё бы! А то, что Антон Антоныч провёл более десяти тысяч людей за шесть тысяч вёрст, и ни один не погиб, не совершил дезертирство, это как? Ведь в первую голову он сберёг людей для решающего сражения.

Озорник. Мы чуяли, что шли на тяжкую войну. Ведь бои с кыргызами и азиатами на восточной границе – это совсем не то, что дерзкий и удачливый француз. Да пребудет с нами Господь вовеки! Батюшки! Ну и теплынь в Малороссии. Днепр ласковый, в деревеньках сияют белые хатки, а украинские красавицы – насупили чёрные бровки, потому как мы ж для них – «москали». Эх, здравия желаем, земелюшка украинская! Подкорми, приласкай чуток перед грозной битвой русского солдата.

Скалон. На караул – Иркутский драгунский, Селенгинский, Оренбургский – на привал. Квартирмейстеры, ротные – выполнять команду!

Скалон уходит. Драгуны стоят в карауле. Выходят украинские девчата, опасливо косятся на драгунов.

Дивчина 1. Олеся, глянь яки москалики смешнии. Рожи чёрни, як у биса.

Смеются.

Дивчина 2. Ни... Вон гарний парубок, молодой, черноглазый, на тебя очами уставився.

Дивчина 3. Сдурелы шо ли, дивчины! Та вони ж с Сибири. А там же одни каторжнии. Ой, лышэнько! Закрывайте хаты! Сундуки пограбять.

Дивчина 4. Во сама, дурная! Хвыля! На кой им твои сундуки, вони на войну с французом идуть.

Дивчина 1. Нас защищать идуть. Ой, яки у москалей да каторжних шапки дывни. Как чёрны пузыри с волосьями.

Дивчина 3. Ей-Богу, упыри болотни.

Дивчина 4. Девчата! Давайте ближе подойдём да рассмотрим их хорошенько.

Драгуны рывкают. Дивчины визжат.

Озорник. Испужалися? Эх, красавицы-то какие. А ну, идите сюда.

Дивчина 3. Ишь, разумный якый? Так мы и пошлы.

Озорник. Да идите, что расскажу?

Дивчина 2. Сам иды.

Озорник. Я не могу. Назначен в караул самим фельдмаршалом. Не имею права сдвинуться с сего места.

Дивчина 1. Ну шо тоби трэба?

Отчаянный. Девчата, вот этот балагур вас сейчас заморочит да в болото уведёт.

Дивчина 3. Ой, мамочки! Я ж казала, упыри болотни.

Озорник. Тихо все! Как ваша деревня зовётся, а?

Дивчина 2. Хутор Боровки звётся.

Озорник. Боровки... Сами вы боровки! Да знаете ли вы, что к вам на постой назначены четыре генерала?

Дивчина 1. Ой, лышэнько! Дэ воны?

Озорник. Здесь пред вашими очами, а я есть не токмо генерал, но и генеральский сын.

Отчаянный. Плачет по тебе хороший дрын.

Озорник. Видите, дивчины, как генерал Стоеросов ожесточился в бою. Всяк, что не по нему, без пощады ругается.

Дивчина 3. Який грозный!

Озорник. Что ты! На сибирской границе защищал он станицы, один со штыком ходил на воровских людей, на медведей, которые ели людей.

Дивчина 2. Ой, мамо, страшно.

Поручик. Господин генерал. Извольте не запугивать местное украинское население. Да ещё таких красавиц.

Молодой. Дядюшка Фрол, вы опять того... привираете.

Озорник. Ах, сынок милый. Какой же я тебе дядюшка, я тебе родной папенька. Девки, милые! Мой сынок Васенька, молодой генерал, на турецком фронте получил жестокую контузию. Теперича путает дядю с папой, маму с тетей, бабушку с дедушкой. Не найдётся ли здесь для него невесты?

Дивчина 1. Ой, бедный. Такой молодэнький.

Озорник. Дам за ним богатое приданое.

Дивчина 2. Ха-ха. Та шо ты брэшешь? Придане за невестой дають, а нэ за женихом.

Озорник. Эх вы, курицы. Да за генералами уже давно приданое дают. Ну, не приданое, а я хотел сказать – наследство...

Отчаянный. От блох старинное средство.

Озорник. Генерал Стоеросов! Отставить!

Отчаянный. Слушаюсь, генерала Вральмана-в-угол-поставить!

Озорник. Видите, дорогие дивчины, их высокопревосходительство один раз взял в плен пушку и катил её к своим окопам, а она, гадина, возьми да выстрели! С той поры в ушах у него стреляет, а слышать – хоть убей не слышит. Геройски оглох!

Отчаянный. А ты, братец генерал, сейчас на левое ухо оглохнешь!

(Грозно подступает к Озорнику.)

Озорник. Тихо, тихо! Дивчата, не пугайся! Промеж генералами тоже иногда драки случаются. Васенька, сынок! Где твоя невеста?

Молодой. У меня нет ещё...

Озорник. Эх, девки! Эх, дуры вы! Неужто никто из вас генеральшей не хочет стать, а?

Дивчина 1. Во бисовы енералы! Причипылысь... А чога, так сразу в енеральши?

Озорник. А то? Да у меня в роду все генералы. Мой генеральский отец, я его сын, вот мой сын генерал и... даже моя тёща – и то генерал.

Поручик. Каких войск?

Озорник. Каких, каких! Драгунских, знамо дело!

Молодой. С какой дивизии, какого полка?

Озорник. Ха! Известно первой печной дивизии, восьмого ухватского полка.

Отчаянный. То-то, видать, тёща тебе ухватом по башке съездила. Никак врать не перестанешь.

Дивчата смеются.

Поручик. Отставить, братцы генералы. Девоньки, красавицы наши. Спляшите, милые, порадуите воинов. Сердце по песне да пляске стосковалось.

Дивчина 1. Вот смешные! То напужалы, то плясаты хотятъ.

Дивчина 2. Дивчины, айда в круг.

Украинский танец. Входит Скалон.

Озорник. Генерал идёт. Равняйсь! Смирно!

Дивчина 4. Ого. Ещё один енерал.

Дивчина 3. Сказали ж тоби, у нашому хутори одни енералы на постой определены.

Дивчина 2. Ты у их в войске пятый?

Скалон. Позволь, милая, что значит – пятый?

Дивчина 1. Енерал пятый...

Скалон. А где остальные?

Дивчина 1. Вот смешной. Тут воны пред тобою.

Скалон. Ясно. Рядовой Чаусов!

Озорник. Я!

Скалон. Ко мне!

Озорник. Слушаюсь, ваше высокопревосходительство!

Скалон. Ты, братец, историю загнул?

Озорник. Так точно. Никак нет. Не могу знать, ваше высокопревосходительство!

Скалон. А кроме тебя некому. Эх, голубчик, будь ты не солдатом, а стихотворцем, позавидовал бы тебе сам Державин.

Дивчина 1. Тю! Солдат! А брехал, шо енерал и евойный сын.

Дивчина 2. Наследством, казал, вас одарю... Шоб у тэбэ очи повылазылы.

Скалон. Ну, наследство, положим, он имеет – славу и честь солдатскую. А что солдат, так на поле брани он подчас главнее генерала. Так-то, девоньки... Ну, прощайте. Выдвигаться на продолжение похода. Шагом марш!

Драгуны маршируют и поют песню «Два великана».
Слова М. Лермонтова, музыка народная.

В шапке золота литого
Старый русский великан, великан
Поджидал к себе другого
Из далеких, чуждых стран, чуждых стран.

Припев:

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И помериться главами
Захотелось им хоть раз.
И пришел с грозой военной
Трехнедельный «удалец», «удалец»
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец, за венец.

Припев.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал, отвечал,
Посмотрел, тряхнул главою!
Ахнул дерзкий и упал, и упал!

Припев.

И упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит!

Припев.

Скалон и полк уходят. Девчата остаются.

Дивчина 3. Казала я вам, каторжни воны, брехуны уси.

Дивчина 1. Добрые воны, весёлые.

Дивчина 2. А мэни молодэнький приглянувся. Серденько дрогнуло, загрустило.

Девчина 4. Ха-ха. Не быть тоби енеральшей. Правдочка твоя, Олеся, на смерть идуць, а весёлые. Храни их Господь!

Дивчина 1. Вон уж и войско двинулось. Айда, простимся с нашими енералами.

Хохоча, убегают.

КАРТИНА 4. ПЕРЕД БИТВОЙ

Грозная музыка. Луч света освещает середину сцены, где среди пушек стоят ящики из-под ядер. Драгуны садятся на ящики, задумчиво глядя в костёр, установленный на авансцене.

Озорник. Помилуй, Господи! Сколько же их! Воистину нашествие галлов и двенадесятых языков. Я на колокольню вчера ночью залез. Мать честная! Все поля вокруг Смоленской крепости в кострах, шевелятся, как муравьи. А мне смешно, вдруг, мыслю, а ежели их подпалить, куда муравьи побегут?

Молодой. А мне было страшно. Я чуял, что смерть наша близка. Да и как можно остаться живу, коли у них сто тысяч завтра пойдёт на нас. Близок Бог, как никогда близок. Ему вручаю душу мою и ему одному молюсь. Но не о жизни своей, а о жизни братьев моих, командира Антона Антоныча, о победе нашей.

Отчаянный. А я думал, что отступлению нашему конец. Хватит. Или ляжем все здесь под Смоленском, или остановим врага под этими стенами. Пусть погибнем за матушку-Россию, но братцы наши побьют француза, изгонят в шею с Русской земли, а значит, и мы победим. Что за дело, что я буду убит, ведь наши сломят Наполеона.

Поручик. Люди измучены не столько телесно, сколько тем, что приходится драться, всё время отступая. Господи, укрепи наших сибиряков. Воистину сибирским кавалеристам выпал самый тяжкий крест. Вижу Промысел Божий в том, что первые колонны Русской армии в отступлении защищала именно бригада генерала Скалона, наш Иркутский драгунский. Бригада сия сдержала натиск восьми дивизий Мюрата. Самого Мюрата, пред кем ползали в пыли военачальники Европы. И что же? Вот явился сибиряк и, не дрогнув, бьёт надменного француза. Я чувствую, в солдатах начинает закипать, как свинец, ярость и ненависть к врагу. Завтра она явит миру свои плоды.

Скалон. Казалось, я слышал голоса, молитвы, чаяния дорогих моему сердцу солдат, отважных офицеров. Завтра тот день, который мы назовём судным. Кто-то – последним. Но все едины, все живут одним чувством великой любви к России, жаждой победы над врагом. Благослови Господь нашего командующего. Три благодарности Барклая-де-Толли моей бригаде за бои на подходе к Смоленску. Как они окрылили измученных боями людей! Как сияли глаза, лица этих простых воинов! «Мы одни из лучших! Наши старания увенчаны успехом!» Воистину склоняюсь к мысли, что сибирский воин – это нечто совсем особенное, богатырское. Я уверен, что здесь, под Смоленском, свершится что-то важное. Здесь собирается не только русская железная мощь пушек, штыков, ядер, пуль, сабель, но главным образом, необъяснимое великое

чувство ответа народного на несправедливость, насилие, унижение родной земли, разрушение её вековых Божьих Храмов, попрание и сожжение пшеничных полей, отчих домов и усадеб, убийства ни в чем не повинных людей. И ответ этот, я верю, будет сокрушительным для французского злого варвара. Ведь Наполеон при всём своём воинском таланте – лишь игрушка в руках тёмных сил, люто ненавидящих Отечество Российское. Какая странная игра судьбы, что родом я так же француз, как и этот корсиканец, но француз русский, который, быть может, завтра обнимет навечно эту родимую землю.

Озорник. Ваше высокопревосходительство!

Скало. Что, братец?

Озорник. Как славно сегодня на молебне... Святые слова в сердце так и лились: «...и Причастие Святаго Духа будет со всеми Вами». Как бы новое что услышал да ухватил, хоть и слышал-то их не раз...

Скалон. Что тебе ответить, брат мой? С Богом, с Верой и штыком. В этом судьба русского солдата.

Озорник. Вот ведь как оно... штыком я завтра кровь чужую пролью, свою кровушку отворю... Господи Иисусе, помилуй мя... Не знаю, как выразить... Ну вот вроде как я этакий невеликий да неказистый, а со Христом вместе куда-то пойду... Как это, а? Сталь с визгом сечет, картечь куски из груди, аки волк лютый, вырвет, глаза в кровавый жар окупятся, а не страшно! А французы внизу как мураши, много их, и не убоюсь я их. Как это... что это?

Скалон. Скажу одно. Запомни, братец. Бог русских никогда не оставлял и вовек не оставит...

Озорник. И вовек не оставит...

Драгуны встают смиренно, снимают головные уборы и исполняют распев «Кресту твоему».

КАРТИНА 5. СРАЖЕНИЕ ПОД СМОЛЕНСКОМ

Бой. Музыка П.И. Чайковского «Гроза 1812 года». Драгуны рубятся палашами с воображаемым врагом, поочередно принимая геройскую смерть в сражении.

Поручик. Четвертого августа французы начали штурм Смоленска. Их войска в шесть раз превосходили наши в живой силе и артиллерии. Восемьдесят тысяч солдат маршалов Нея и Даву, двадцать тысяч кавалеристов Мюрата. Они воистину как чёрные тучи, покрывшие леса и поля, кинулись на нас.

Отчаянный. Хватит отступать. Надоело. Француз думал с ходу проскочить и смять нас. Не тут-то было. Наши драгуны и пехота пошли в

штыки, да с такой злостью, что француз летел навзничь. Колешь, колешь, рубишь, рубишь, а им конца и края нет. А знаешь, чем страшна штыковая? Когда убьют под тобою картечью коня, взявши ружьё, бежишь на врага в штыковую, бежишь на всех и вот глаза в глаза находишь одного, и он тебя, и, целя друг другу в сердце острым штыком, ты бежишь на него, а он – на тебя, уже не видя никого. А на конце штыка теплится жизнь и твоя, и его. И тут, брат, уж не зевай. Меня в атаках ранило штыком два раза, а в горячке боя боли не чувствую. И уже не помню, сколько их было, атак. Чую, что живой, чую, что руки цепко держат оружие, и цель едина – ещё одного, ещё одного достать!

Молодой. Французы шли в атаки весь день, как волны накатывали. Наша бригада стояла на передке. Стояли насмерть. Господи! Как дрались драгуны, такого не увидеть никому. Такое ожесточение на врага. Сквозь раны, кровь, хрипы и крики падаешь как в омут огня и молний – и бьёшь врага, а он рвёт тебя. Вот кончилась атака, и ты живой... И переведа дух, готовишься к новой...

Озорник. А новая – вот она, уже щерится на тебя воронёным штыком в грудь. Ить их же до вала, эти французишек... И лезут и лезут... А во мне сердце распалилось жаром, откуда сила взялась. Знай ору своё: «Не суйся в Россию! Не суйся в Сибирь-матушку!» – да палашом как капусту рублю... Отстояли мы первый денёк, а во второй – ещё тяжелее пришлось... Помогите, Господи!

Поручик. На следующий день Наполеон дал приказ подвести двести пятьдесят орудий, и французы пошли на решительный штурм города. Наше знамя трижды прошила навывлет картечь неприятеля. А на знамени нашем герб Иркутска – бабр с окровавленным соболем в зубах. Не так ли удавить в своих зубах русских воинов вознамерился француз? Так пусть же он сам станет законной жертвою в пасти сибирского тигра. Я был счастлив, что наш Иркутский драгунский, сибиряки-ребята, обливаясь кровью, ни на шаг не отступили. У артиллерийских орудий четыре раза менялась прислуга. Да знаете ли вы, что это? Это значит – четыре артиллерийских расчёта сложили свои головы в бою, но не пропустили француза.

Скалон. Что такое был наш рубеж. Молоховские ворота Смоленска. Рачевское предместье крепости. На главном направлении позиции батарейная рота полковника Аннушкина и Иркутский драгунский полк под моим командованием. Фланги наши защищали Оренбургский и Сибирский драгунские полки, а также казачьи сотни. Враг бешено рвался к воротам Смоленска. Казалось, что Брюйер и маршал Ней со всей кавалерией своею взбесились от столь неожиданной твёрдости и отваги русского солдата. Я понимал, как и все командиры, всю опасность сложившегося момента. Дрогну мы, сдайся – французы не дадут соединиться двум русским армиям Барклая и Багратиона. Разобьют поодиночке. И позор. Капитуляция России, какой ещё не

бывало. Я видел, как один за другим отдавали свои жизни за Отечество мои драгуны, как, выполнив свой долг, уходили они в Царствие Небесное. Мы несли тяжкие потери, но не отступали от рубежей.

И вот приказ командующего уходить в крепость. Отходит наша артиллерия и егеря. Боже мой! Совсем нет времени. Если француз бросится в новую атаку, он ударит в тыл, и наша артиллерия вся погибнет. Видит Бог, для чего мы здесь... Пресвятая Богородица, не остави нас! Сибирский... Иркутский драгунский... Давай, братцы! Умрём за Отечество! Не выдадим своих! Вперёд, драгуны!

Молодой. Я не забуду никогда эту битву. То, что было ранее, – не в счёт. Наш командир генерал Скалон понёсся впереди полка. Ура не грянуло, а взметнулось каким-то страшным рыком. Французы, не ожидав такого удара, опешили, были смяты, многие побежали. Мы вгрызлись во фланг французской кавалерии. Началась сеча, кровавая тризна вершилась двадцать минут. Слава Богу, наши успели отойти с пушками за городские стены.

Мы треть наших потеряли, но полк задачу выполнил. Генерал Скалон дал приказ: «Эскадроны, по три налево!», и полк наш левым флангом ретировался в крепость. Эх, уйди Скалон первым – был бы жив. Так нет... Наш командир, как подобает русскому офицеру, уходит в последнем эскадроне. Французы, очухавшиеся к этому времени, подтащили артиллерию и ударили картечью. Я видел, как вместе с хрипящей лошадью упал Антон Антоныч! Всё мгновенно заволочло удушливым дымом. Я закричал, пришпорил коня, пытаюсь прорваться к генералу, тут опять ударил выстрел. Поручик Власов на бешеном скаку схватил под уздцы мою лошадь и с криком силой направил меня в крепость. Ворота затворились. Русская армия соединилась и начала отход из Смоленска, готовясь к Бородино.

Иркутский драгунский полк прощался со своим командиром. Я никогда не забуду этот удушливый сизый дым.

Воины находятся в том положении, в котором их застала смерть, на одном колене, опустив голову, опершись на саблю, Скалон привалился к колесу пушки.

Музыка. Драгуны поднимаются, расстёгивают мундиры, снимают их, под ними окровавленные от ран рубашки. Сзади подходят жёны, тихо принимают на руки мундиры и отходят назад.

Драгуны исполняют песню «Спите, орлы боевые».

Музыка И. Корнилова, слова К. Оленина

Спите, орлы боевые,
Спите с спокойной душой!
Вы заслужили, родные,
Счастье и вечный покой.
Долго и тяжело страдали

Вы за отчизну свою,
Много вы грома слышали,
Много и стонов в бою.

Ныне, забывши былое,
Раны, тревоги, труды,
Вы под могильной землею
Тесно сомкнули ряды.

Спите ж, орлы боевые,
Спите с спокойной душой,
Вы заслужили, родные,
Славу и вечный покой.

КАРТИНА 6. ДРАГУНСКИЕ ЖЁНЫ

Выходят жёны драгунов, читают письма своим мужьям.

Каролина Скалон. Любезный друг мой, Антон Антонович! Мы, слава Богу, в Белгороде, успели уйти до наступления неприятеля из Минска, и у нас всё хорошо. Друг мой! Дети твои, сыновья Александр, Николай, Василий, Антон и Даниил, целуют тебя и считают дни, когда вновь с радостью обнимут тебя. Об этом же и я молю Пречистую Богородицу Деву Марию. Да смилуется Она над нами, грешными. Ты писал нам: памятуя, что являешься родителем, отцом пяти сыновей, в первых рядах во время битвы быть остерегаешься. Не верю я в это, зная тебя хорошо, душа моя. Ибо не безрассудства ради, а любя солдат своих, рвёшься ты на первые позиции. Храни тебя Господь! Помнишь, я писала тебе, что же будет с Россией, коль враг так многочислен и мы отступаем. Твой ответ утешил меня. Старшие дети даже выписали строки твои себе в тетрадки – «Бог русских никогда не оставлял. Хоть враг и зашёл далеко, но он падёт от оружия нашего». Будем молиться и верить. Данилушке уже лучше, жестокая простуда отступила, давала ему травы мяты и Богородичной травы, по совету твоему, Антошенька. Мы ждём тебя, мы ждём тебя так сильно, так сильно любим тебя, так, что ангелы, верно, смилуются над нашей большой семьей и сохранят тебя.

Твоя Каролина и дети.

...Но Ангелы не сохранили. Такова Воля Божья. И нам с детьми трудно было её принять. До тысяча восемьсот тринадцатого года об Антошеньке ничего не было известно, бесследно исчез. А за исчезнувших да пропавших безвестно воинские пенсии не положены. Вот и жили мы с детьми, как птички Божьи, – Господь питал да в обиду не давал. Антон Антонович всю жизнь свою отдал Иркутскому полку, Сибири, Отечеству. Знаете, как говорят: «От трудов праведных не наживёшь палат каменных». Вот и мы не нажили ни крепостных, ни

поместья. Но до последнего своего часа я благодарю Господа, что был с нами генерал Антон Антонович Скалон, любивший нас и безмерно любивший Отечество своё. И сыночки мои впитали эту любовь к Отчизне от батюшки и вознамерились тоже служить Родине и тоже стать генералами. И верю, что так и случится.

Невеста Отчаянного. Когда я думаю серьёзно о бедствиях, причинённых нам этой несчастной французской нацией, я вижу во всём Божию справедливость. Французам обязаны мы развратом; подражая им, мы переняли их пороки, заблуждения, в скверных книгах их почерпнули мы все дурное. Они отвергли Веру в Бога, не признают власти, и мы, рабски подражая им, переняли их ужасные правила, чванясь нашим сходством с ними, а они и себя и всех последователей влекут в бездну. Не справедливо ли, что, где нашли мы соблазны, там и претерпели наказание? Одно пугает меня – это то, что несчастья не служат нам уроком: несмотря на всё, что делает Господь, чтобы обратить нас к себе, мы противимся и пребываем в ожесточении сердечном.

Коленька, милый, прошу тебя, если получил моё письмо, сообщи мне об убитых и раненых. Их Бог к себе призвал, они умирали, исполняя самый священный долг, защищая свое Отечество. Я стараюсь проникнуться этим чувством, а равно и внушить его моим бедным кузинам.

Целую тебя, мой друг. Твоя Машенька.

Жена Озорника. Фролушка! Фрол Петрович! Родненький, жив ли, голубчик мой? Ни слуху ни духу от тебя много месяцев. Не обижай нас, пошли весточку. А у нас в губернии гроза военная всех всколыхнула. Ездил в Иркутск и глядела, как народ разного чина и звания немалые средства на войска наши жертвует. И в Качуге простые-то люди, те по копеечке несут, лишь бы проклятого француза вы, наши соколы родные, вон из России выгнали. Фролушка! Лизонька растёт и глазками в тебя пошла, красавица наша.

За сим, с поклоном твоя Наталья Петровна.

Драгуны и их жёны медленно танцуют вальс. Затем жёны медленно уходят со сцены.

Картина 7. Урок о Небесном полку. Иркутский драгунский – Иркутский гусарский

Молодой (сидя с саблей на колене). Антон Антонович?!

Скалон. Корнет Рябов! Подать команду на сбор полка!

Молодой. Слушаюсь! А как же... Антон Антонович... Дядя Фрол... Братцы... Вы же...

Скалон. Исполнять!

Молодой поднимает трубу, подает сигнал.

Озорник. Ну, Василий, отвечать урок.

Поручик. Как он, жив ли наш полк!

Молодой. Так точно! С доблестью сражался при Бородино.

Отчаянный. Сколько братьев осталось в полку?

Поручик. После Бородино в полку осталось всего сто двадцать человек. Остальные пали смертью храбрых. По сей причине после победы нашей в тысяча восемьсот двенадцатом году соединён с Московским гусарским полком и называется Иркутский гусарский полк.

Отчаянный. Славно, но хочу сказать тебе, братец, что наш полк ещё возродится как пятидесятый драгунский полк.

Скалон. И с честью пронесёт своё имя в боях вплоть до тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Молодой. А потом? Неужто забудут люди о нашем подвиге?

Озорник. Эх, Васенька! Что люди, главное, Господь не забудет.

Молодой. Дядюшка Фрол, Николай, поручик Власов... Я всё вспоминаю о вас, как вы, где вы теперь... Иной раз и тоска подступает, что нет теперь уж того полка.

Скалон. А ты не печалься. То грех пред Богом. Есть тот полк. И стоит он пред Престолом Божьим.

Поручик. Придёт время. Расточится бесовский обман. Воспрянет Русь православная.

Озорник. А Господь пошлёт ей Ангела своего на помощь.

Скалон. Вот тогда и вспомнит Россия все свои полки, всю славу свою. Свою, а не чужую! И грянет та слава православному Царю нашему и возрождённой земле Русской. Ведь Бог никогда русских не оставлял и вовек не оставит.

Драгуны исполняют песню «Русское Ура!»

Слова А. Кольцова, музыка В. Чуркина.

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям!
Едет белый Русский Царь,
православный государь,
Вдоль по царству-государству
Русь кричит шумит: «Ура!»
«Ура! Ура! Ура! Ура! Ура!» 2 раза
Ходит оклик по горам,

По долинам, по морям!
Свет Царица в путь идет
Лаской радовать народ,
Ей навстречу на дорогу
Русь кричит шумит: «Ура!»
«Ура! Ура! Ура! Ура! Ура!» 2 раза

Ходит оклик по горам,
По долинам, по морям!
Трубы русские гудят,
Браво ходит наш солдат,
Перед царскою семьею
Строй гремит шумит: «Ура!»
«Ура! Ура! Ура! Ура! Ура!» 2 раза

Это пыл любви живой,
Сильной, вечной и святой
К коронованным главам,
Это Царь – гроза врагам,
Это посвист богатырский,
Вот что русское Ура!
«Ура! Ура! Ура! Ура! Ура!» 2 раза

ЭПИЛОГ

Поручик. Кровавая битва под Смоленском показала, что Русская армия, несмотря на численный перевес французов, умеет яростно драться за свою землю. После Смоленска многие наполеоновские генералы всерьёз заговорили о мирных переговорах с русскими.

Отчаянный. Под Смоленском Наполеону нанесли мы жесточайший урон, и на Бородино француз уже знал, что русский солдат не отойдет с рубежей до последнего вздоха.

Молодой. Изгнав Наполеона из России, наши войска вошли в Париж, принесся долгожданный мир народам Европы. Каково же радостно было сибирякам видеть Европу, прибыв в неё с победой почти с другого края света.

Озорник. При Бородино, при Смоленске русские драгуны, пред полками коих священники в облачениях, с крестом в руках, шли истинно в страх врагам – геройски, у каждого в глазах сверкала слеза чистой веры, а на лице – готовность сразить врага и умереть.

Скалон. Неприятель надменно заявил: «Мы должны были решить, кто должен установить законы для мира: либо татары, либо мы». Вот, оказывается, зачем французы приходили к нам – «устанавливать законы»

на нашей же земле. Назвав нас «татарами», «полудикими азиатскими ордами», француз, однако, показал со всей очевидностью разгромленной бегущей армией своей, на чьей стороне Правда и Божья сила. Но сколько же ещё ловких дельцов, шевалье и мировых проходимцев попытаются напасть на Россию нашу, дабы установить свои законы! Будь зорек, храбр и мудр, потомок! Помни пример яркой сибирской звезды, Иркутского драгунского полка, который в рядах Русской победоносной армии отдал все силы свои для защиты Отечества земного, в подвиге ратном обретя Отечество Небесное.

Драгуны исполняют «Песню Иркутского драгунского полка».
Музыка и слова М.Корнева.

Славой дедов и отцов
Русь венчанна в мире,
Полк драгунов-молодцов
Службу нес в Сибири.
Вот летит казак стрелой,
Вострой пикой машет,
Знать, француз идет войной
На Отчизну нашу.

Припев:

С честью и славой
Исполнит свой долг
В сраженьях Иркутский
Драгунский полк!

Собиралися полки
Перед страшной битвой,
Верой Божией крепки
И тверды молитвой.
Из Сибири до Украины,
Путь проделав славный,
Генерал Скалон привел
Свой отряд державный.

Припев.

Под Смоленском грянул бой,
Закипел кровавый,
Смертью храбрых пал герой,
Наш Скалон удалый.
Там врагов драгуны наши
Били и рубили
И за Родину свою
Головы сложили.

Припев.

А когда пришел черед,
Полк земли сибирской
Встал за Веру, за народ
В битве Бородинской.
Вам, иркутские драгуны,
Честь, почет и слава,
Не забудет подвиг Ваш
Русская держава.

Припев.

Скалон. Героям-победителям Отечественной войны тысяча восемьсот двенадцатого года, русским чудо-богатырям, защитникам Отечества – троекратное УРА! УРА! УРА!

Выстрел из мушкетов.

Поручик. Доблестному Иркутскому драгунскому полку – навеки СЛАВА! СЛАВА! СЛАВА!

Выстрел из пушек. Поклон. Звучит музыка «Песня Иркутского драгунского полка».
